

Г Л А В А VIII.

Военныя торжества и празднества.

Придирки къ русскимъ войскамъ и кляузы со стороны польской «легальности». — Приѣздъ Государя въ Варшаву и открытіе сеймовъ 1818 и 1820 г. — Революціонныя броженія въ Европѣ и между поляками. — Несостоявшійся походъ въ Италію. — Военный педантизмъ поляковъ. — «Чвартаки». — Смотръ и маневры 1823 г. подъ Брестъ-Литовскомъ. — Непріятное приключеніе съ Государемъ. — Резервный корпусъ. — Последнее пребываніе въ Варшавѣ Императора Александра I. — Кончина Его. — Первый актъ милости и вниманія къ полку со стороны Императора Николая I. — Смерть Альбрехта и назначеніе командиромъ полка ген.-маіора Маркова. — Коронованіе въ Варшавѣ Императора Николая I. — Торжества и празднества. — Приѣздъ Государя въ Варшаву въ 1830 г. — Серебряныя трубы для вседневнаго употребленія. — Русская Капул.

Въ первые два года существованія Царства Польскаго, недовольство, порожденное разочарованіемъ относительно разныхъ политическихъ фантазій и государственныхъ границъ, не заявляло себя однако никакими рѣзкими проявленіями и ограничивалось только разными кляузами о будто - бы «пелегальныхъ» дѣйствіяхъ и поступкахъ русскихъ полковъ. Разсматривая въ полковомъ архивѣ дѣла этого времени, невольно убѣждаешься, что не только муниципальныя, но даже и военныя польскія власти пользовались малѣйшимъ предлогомъ, чтобы сдѣлать русскимъ войскамъ какую-нибудь «легальную» придирку, подвести подъ нихъ какую - либо, оиятъ-же-таки «легальную», каверзу; то обвиняютъ уланъ въ самовольномъ занятіи квартиръ, ищутъ

бумаги, отношенія, заставляють начальство дѣлать выговоры, — и потомъ вдругъ оказывается, что квартиры заняты вовсе не самовольно, а по назначенію чиновника польской же администраціи; то жалуются, что уланы якобы портятъ вещи, находящіяся въ занимаемыхъ ими на первое время польскихъ казармахъ, а по повѣркѣ выходитъ, что вещи, обозначенныя въ польскомъ же инвентарѣ, находятся въ полной цѣлости и совершенной исправности; то вдругъ новыя претензіи, зачѣмъ-де уланы трутъ нюхательный и крошатъ курительный табакъ для собственнаго употребленія, тогда какъ эта статья отдана на откупъ, по условію съ «государствомъ»; то вдругъ обвиненіе въ сбытѣ фальшивой монеты, въ кражѣ съ барки холста и вина, въ грабежѣ у какой-то еврейки мѣшечка съ драгоценными вещами, — и опять наряжаются комисіи, идутъ слѣдствія, допросы, доносы, отписки и новыя кляузы, — а въ концѣ концовъ, по самому точному разслѣдованію, оказывается, что фальшивая монета сбыта польскимъ конно-егеремъ, вино съ холстомъ стащено съ барки польскими саперами, и еврейка ограблена польскими же грендерами.

Кляузы доходили даже до такихъ комическихъ размѣровъ, что какая-то «обывателька» Юзефа Плевчинская, находила возможнымъ жаловаться и требовать взысканія со своего постояльца, поручика Франковскаго, за то что у него слишкомъ часто бываютъ гости ¹⁾. Общій смыслъ всѣхъ этихъ кляузъ достаточно очевиденъ: онѣ служили удобнымъ и дешевымъ средствомъ вымѣщать на «москаляхъ» досаду по поводу своихъ политическихъ разочарованій и, посредствомъ всевозможныхъ гиперболическихъ рассказовъ и силетень, ославливать ихъ и дѣлать ненавистными въ глазахъ польскаго общественнаго мнѣнія ²⁾.

¹⁾ Журн. вход. бумагъ за 1817 и 1818 годы. — Полк. арх. кп. № 220 и 221.

²⁾ Замѣчательно, что исторія Ямбургскаго уланскаго полка за этотъ самый періодъ времени представляетъ намъ рядъ подобныхъ же кляузъ, каверзъ и подвоховъ со стороны польской администраціи и польскихъ помѣщиковъ заодно-русскихъ губерній.

*

Послѣ двухлѣтней подготовки, посвященной организаціи гражданскихъ управленій, опредѣленію круга ихъ дѣятельности и взаимной связи, а также введенію необходимыхъ учрежденій, Императоръ Александръ лично открылъ 15-го (27-го) мая 1818 года первый сеймъ польскій, — открылъ его блистательною рѣчью, которая, основываясь на внутреннемъ Его убѣжденіи, вся была исполнена чувствами любви и полного довѣрія къ полякамъ. Открытіе сейма сопровождалось рядомъ военныхъ торжествъ, смотровъ, разводовъ и парадовъ, на которыхъ Лейбъ-Гвардіи Уланскій Цесаревича полкъ имѣлъ счастье впервые представиться Государю Императору и удостоился полного одобренія Монарха.

Цесаревичъ любилъ и умѣлъ показать войска, служившія подъ его начальствомъ, и ему всегда пріятно было присутствіе на этихъ смотрахъ и ученьяхъ высокихъ посѣтителей. Немногіе ветераны того времени помнятъ еще пріѣзды Великихъ Князей Николая и Михаила Павловичей, принца Вильгельма Прусскаго, короля Виртембергскаго и др. Императоръ же и въ слѣдующемъ 1819 году, проѣздомъ чрезъ Варшаву, удостоилъ нашъ полкъ, въ числѣ прочихъ войскъ, своего смотра и благоволенія, а на 1-е (13-е) сентября 1820 года готовилось открытіе новаго сейма и съ нимъ — новый рядъ торжествъ и парадовъ, какими обыкновенно сопровождался въ столицѣ Польши каждый пріѣздъ Государя, Великихъ Князей и иностранныхъ принцевъ.

Государь Императоръ пріѣхалъ въ Варшаву еще за двѣ недѣли до открытія, 15-го августа, вечеромъ. На послѣдній почлегъ въ Пулавахъ къ Его Величеству выѣхалъ на встрѣчу Цесаревичъ, и Государь вмѣстѣ съ нимъ въѣхалъ въ Варшаву въ одной коляскѣ и остановился въ «Бургѣ». Пребываніе Императора въ Варшавѣ на этотъ разъ было довольно продолжительно. До открытія сейма Его Величество осматривалъ

войска, русскія и польскія, дѣлалъ маневры—отдѣльно каждому и обонмъ войскамъ вмѣстѣ.

То было время глухихъ броженій и внутреннихъ волненій, которыя болѣе или менѣе тревожили всю западную Европу и, конечно, оказывали свое вліяніе на Польшу, искони уже весьма къ нимъ склонную. Новый варшавскій сеймъ, безъ всякихъ вѣскихъ основаній, а единственно ради игры въ либеральную оппозицію, съ предубѣжденіемъ принялъ проекты законовъ, предложенные правительствомъ, и почти безъ совѣщанія отвергнулъ ихъ. Такимъ образомъ, хорошія отношенія между Высочайшею властію и польскими подданными были разрушены и всѣ дарованныя имъ благодѣянія разомъ и окончательно забыты. Съ этихъ поръ тайныя общества, сходы, заговоры стали еще многочисленнѣе. Правительству по необходимости пришлось принимать мѣры предосторожности, а это всего болѣе раздражало революціонеровъ, которымъ хотѣлось бы, чтобы правительство спокойно и безпрепятственно дозволяло имъ работать для низверженія самого же себя, но такъ какъ такого дозволенія, конечно, ни въ какомъ случаѣ быть не могло, то они и вопіяли на всю Европу объ угнетеніи и преслѣдованіяхъ.

Вскорѣ послѣ сейма, продолжавшагося до октября, Императоръ отправился на конгрессъ въ Лайбахъ. Возстаніе въ Греціи, движеніе карбонаровъ въ Италіи,—все это заставляло сильно поговаривать о войнѣ. Были слухи, что русскую армію предполагается двинуть въ Италію, и что русскій варшавскій отрядъ первымъ войдетъ въ составъ авангарда. Въ Лайбахъ были вызваны Ермоловъ, Дибичъ, генералъ Нейгардтъ, генералъ-интендантъ Канкринъ и нѣсколько штабъ-офицеровъ, долженствовавшихъ войти въ составъ главнаго штаба дѣйствующей арміи. Главнокомандующимъ назначался Ермоловъ. Войска гвардейскаго корпуса придвинулись къ западнымъ границамъ Имперіи, а варшавскій отрядъ еще ранѣе получилъ повелѣніе изготавиться къ походу чрезъ австрійскія владѣнія. Одна-

ко, около половины апрѣля 1821 года вопросъ о войнѣ разрѣшился дипломатическимъ путемъ, и Государь повелѣлъ остановить дальнѣйшее движеніе авангарда, который въ то время уже приближался къ границамъ Галиціи.

Между тѣмъ, заботы Цесаревича объ организаціи польской арміи и литовскаго корпуса продолжались рядомъ неуспѣшныхъ трудовъ и стараній. Въ особенности первые годы формировація польскихъ войскъ стоили ему многихъ непріятностей и огорченій, причиною которыхъ, главнѣйшимъ образомъ, были разнужданныя привычки и понятія поляковъ о принципахъ воинской дисциплины.

Однако, послѣ нѣсколькихъ твердыхъ и крутыхъ мѣръ, принятыхъ въ отношеніи нарушителей дисциплины и субординаціи, поляки сдѣлались на счетъ службы неизмѣримо пунктуальнѣе русскихъ и довели свой недантизмъ до того, что офицеры ихъ цѣлыя сутки отбывали въ караулѣ не разстегивая чешуи и не снимая перчатокъ—чего, однако, имъ вовсе не запрещалось,—но зато потомъ, между своими, они, вздыхая, жаловались на «тираническія» требованія русскихъ служебныхъ порядковъ, перенесенныхъ на польскую почву. Любимѣйшимъ изъ польскихъ полковъ у Цесаревича былъ 4-й линейный, извѣстный подъ именемъ «Чвартаковъ»¹⁾. Это были своего рода польскіе «Архаровцы», забубенныя, безшабашныя, отпѣтыя головы, которыми и въ хмѣльномъ, и въ трезвомъ состояніи равно было «морю по колѣна». Въ 4-й полкъ изъ всей остальной польской пѣхоты переводили порочныхъ и штрафованныхъ людей, и тамъ ихъ вышколивали и переработывали на новый ладъ. Зато не было полка исправнѣе, лучше и щеголеватѣе во фронтовомъ отношеніи; поэтому онъ всегда былъ любимой забавой Великаго Князя, который зналъ въ «Чвартакахъ» по имени не только всѣхъ офицеровъ, фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ, но и большую часть

¹⁾ Русскіе полки варшавскаго отряда въ шутку называли «Чвартаковъ» четвертаками и четвериками.

рядовыхъ и, постоянно ставя этотъ полкъ въ образецъ прочимъ всегда чувствовалъ веселое расположеніе духа, когда, бывало, выводилъ его на ученье ¹⁾).

Окончательная организація польской арміи и отдѣльнаго литовскаго корпуса была выполнена только въ первой половинѣ 1823 года, послѣ чего Цесаревичъ отправился въ Петербургъ и просилъ Государя осчастливить его смотромъ всѣхъ сформированныхъ имъ войскъ. Съ этою цѣлью весь литовскій корпусъ, вся польская армія и русскій варшавскій отрядъ въ полномъ своемъ боевомъ составѣ были стянуты въ лагерный сборъ подъ Брестомъ-Литовскимъ. Польскіе и русскіе варшавскіе полки стояли лагеремъ по берегу Буга, около мѣстечка Тирасполя, а литовскій корпусъ расположенъ былъ по-сю сторону рѣки, на тѣсныхъ квартирахъ, въ окрестностяхъ Бреста. Въ этомъ же году было положено, чтобы регулярные конные полки имѣли одношерстныхъ лошадей, и каждому разъ - навсегда присвоена была какая-либо извѣстная масть. Вслѣдствіе этого, между эскадронами полковъ каждой дивизіи былъ произведенъ соответственный обмѣнъ, при чемъ лейбъ-уланы Цесаревича получили гнѣдыхъ лошадей, на которыхъ должны были впервые представиться Государю подъ Брестомъ. Съ тѣхъ поръ нашъ полкъ служилъ на лошадяхъ гнѣдой масти. Государь Императоръ обѣщалъ исполнить желаніе Цесаревича, и въ половинѣ августа 1823 года, послѣ маневровъ гвардейскаго корпуса, изволилъ выѣхать въ путешествіе по нѣкоторымъ русскимъ провинціямъ, а черезъ мѣсяцъ прибылъ въ Брестъ-Литовскъ, въ сопровожденіи Великихъ Князей Николая и Михаила Павловичей. Въ свитѣ Государя находились: графъ Аракчевъ и баронъ Дибичъ, исполнявшіи на этотъ разъ должность начальника штаба Его Величества, вмѣсто князя Волконскаго. 17-го сентября, въ 5 часовъ утра громадная масса соединенныхъ

¹⁾ Воспоминанія М. К. Максимовича. — «Замѣтки» П. Ульянова («Р. Арх.» 1867 г.) и «Воспоминанія» К. П. Колзакова («Р. Старина» 1873 г.).

войскъ стояла уже въ нѣсколькихъ линіяхъ на обширномъ пахотномъ полѣ. Вскорѣ прибылъ Государь со своею блестящею свитой русскихъ и польскихъ генералъ и флигель-адъютантовъ; Цесаревичъ поскакалъ къ нему на встрѣчу съ праваго фланга и подалъ строевой рапортъ, а затѣмъ, при звукахъ англійскаго гимна ¹⁾ и при неумолкаемомъ «ура!» стотысячной арміи, начался объѣздъ войскъ. Церемоніальнымъ маршемъ полки проходили сперва по - дивизионно, а потомъ колоннами. День стоялъ ясный и тихій. Всѣ войска были въ отличнѣйшемъ положеніи, какъ русскія, такъ и польскія. Восторгъ сіялъ на лицѣ Цесаревича, который былъ счастливъ, что представленіемъ ввѣренныхъ ему войскъ вполне удовлетворилъ ожиданіямъ своего Державнаго Брата. Смотръ, явившій собою одно изъ рѣдкихъ, по своей громадности, военно-торжественныхъ зрѣлищъ, окончился около пяти часовъ по полудни; Государь отъ души благодарилъ Цесаревича, и его помощниковъ, и войска, и всѣхъ частныхъ начальниковъ. Людямъ даны были щедрыя денежныя и порціонныя награды. На слѣдующій день Его Величество занимался частными осмотрами нѣкоторыхъ отдѣльныхъ воинскихъ частей и разныхъ заведеній въ городѣ, въ особенности военнаго госпиталя, а на 19-е число назначенъ былъ объѣмъ арміямъ большой двухсторонній маневръ, который начался въ шесть часовъ утра и продолжался до шести часовъ по полудни. Всѣ эволюціи пѣхоты, конницы и артиллеріи производимы были съ замѣчательною быстротою, стройностію и въ отличнѣйшемъ, всестороннемъ порядкѣ. Императоръ былъ вполне доволенъ маневрами и многократно, въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, благодарилъ Цесаревича за отличное состояніе ввѣренныхъ ему корпусовъ.

¹⁾ Англійскій гимнъ, до 1833 года, т. е. до времени сочиненія флигель-адъютантомъ и начальникомъ придворной пѣвческой капеллы А. О. Львовымъ музыки на слова В. А. Жуковскаго «Боже Царя храни», служилъ для русской арміи военно-національнымъ гимномъ.

Къ крайнему прискорбію всѣхъ, на маневрахъ этихъ случилось весьма неприятное происшествіе. Во время слѣдованія Императора по фронту польской кавалеріи, Его Величество изволилъ потребовать къ себѣ одного полковника, для отдачи ему какого-то приказанія. Полковникъ подокакалъ къ Государю съ правой стороны и, выслушавъ слова Его, поворотилъ свою лошадь вправо, при чемъ она вдругъ лягнула и подковою задней ноги ударила въ правое берцо (сгос) Императора ¹⁾. Не смотря на довольно сильный ударъ по такому чувствительному мѣсту, Государь не показалъ наружно ни малѣйшаго чувства сильной боли и оставался верхомъ до самого окончанія маневровъ, ни мало не измѣняя своего положенія. По возвращеніи же на квартиру, Его Величество тотчасъ потребовалъ своего медика баронета Вилье, который нашелъ правое берцо распухшимъ въ такой мѣрѣ, что сапога нельзя было снять, а пришлось разрѣзать его, чтобы осмотрѣть ногу. Ушибъ оказался довольно сильный, но Императоръ, наложивъ на него компрессъ изъ гулардовой воды, снова одѣлся въ походную форму и немедленно вышелъ къ обѣденному столу, къ которому приглашено было слишкомъ двѣсти человѣкъ генераловъ и штабъ-офицеровъ обѣихъ армій. Цесаревичъ чрезвычайно встревожился этимъ приключеніемъ и уже отдалъ-было приказаніе—строжайше изслѣдовать всѣ обстоятельства дѣла, которыя, по его мнѣнію, были тѣмъ важнѣе, что виновнымъ явился офицеръ польской арміи. Но Государь, узнавъ о распоряженіи Великаго Князя, тотчасъ же приказалъ оставить происшествіе безъ всякаго разслѣдованія и выразилъ свое желаніе, чтобы полковникъ от-

¹⁾ Въ изложеніи этого происшествія мы придерживаемся редакціи лейбъ-медика Его Величества А. Д. Тарасова (см. «Р. Старину» 1871 г., кн. XII, стр. 612). Другой же очевидецъ, М. К. Максимовичъ, свидѣтельствуетъ, что это былъ не полковникъ польской кавалеріи, а бригадный генералъ 25-й дивизіи литовскаго корпуса, Фези, лошадь котораго, будучи круто поворочена на бѣздѣ при сапотѣ, лягнула Государя въ ногу.

нюдь не быть признаваемъ виновнымъ въ этомъ неприятномъ приключеніи. На другой день, 20-го сентября, Его Величество, страдая отъ боли въ ногѣ, выѣхалъ изъ Бреста въ Волынскую губернію.

Этотъ смотръ составилъ собою какъ-бы особую эпоху въ жизни участвовавшихъ въ немъ войскъ. Въ настоящее время корпусные сборы стали дѣломъ весьма обыкновеннымъ, но въ тѣ времена, когда войска далеко не отличались тою подвижностію, какая требуется современными условіями военного дѣла, собрать довольно быстро цѣлую армію, какъ сдѣлалъ это Цесаревичъ, было дѣломъ весьма не легкимъ и вполнѣ обнаружило образцовый порядокъ, въ какомъ находились всѣ части военного хозяйства и администраціи въ войскахъ, созданныхъ Его Высочествомъ. Служаки того времени, въ ихъ воспоминаніяхъ, обыкновенно раздѣляли эпохи своей жизни и службы «до смотра подъ Брестомъ и послѣ него».

Къ 1824 году относится учрежденіе Гродненскаго гусарскаго полка на правахъ молодой гвардіи. Формировалъ его, по порученію Цесаревича, нашъ старый однополчанинъ, полковникъ Карлъ Евстафьевичъ Штрандманъ, который и былъ назначенъ командиромъ гродненцевъ. Учрежденіемъ этого полка окончилось формированіе варшавской гвардейской кавалерійской дивизіи и вмѣстѣ резервнаго корпуса войскъ, состоявшихъ подъ начальствомъ Цесаревича Константина Павловича ¹⁾. Полки Лейбъ-Гвардіи: Подольскій кирасирскій и Уланскій Цесаревича составили *первую* бригаду, а Гродненскій съ польскимъ Конно-Егерскимъ—*вторую*. Начальникомъ этой дивизіи назначенъ былъ польской службы генералъ Курнатовскій.

Весною 1825 года русскія войска варшавскаго отряда опять имѣ-

¹⁾ Корпусъ этотъ состоялъ: 1) изъ кавалерійской дивизіи, 2) сводной гвардейской и гренадерской дивизіи, 3) конной артиллеріи гвардейской легкой № 3 батареи и гвардейской польской батарейной батареи, 4) пѣшей артиллеріи гвардейской роты № 5 и гренадерской артиллерійской бригады.

ли счастье видѣть въ своей средѣ Императора Александра Павловича. Но это было уже въ послѣдній разъ. На весну этого года назначенъ былъ третій срочный сеймъ въ Варшавѣ, и Государь предположилъ принять личное участіе въ его открытіи. Пламенная любовь Его къ полякамъ къ этому времени на много уже охладѣла. Изъ горькаго опыта успѣлъ Онъ, наконецъ, убѣдиться, что за всѣ Его добрыя намѣренія, за всѣ дары и благодѣянія Ему заплачено ненавистью и неблагодарностію.

4-го апрѣля, на третій день Пасхи, назначенъ былъ выѣздъ въ Высочайшее путешествіе изъ Царскаго Села. Въ 7¹/₂ часовъ утра Его Величество выѣхалъ со свитою, еще по снѣгу, при полномъ располѣ и разливѣ рѣкъ; но чѣмъ далѣе къ юго-западу, тѣмъ путешествіе становилось пріятнѣе: начиная отъ Ружанъ, уже съ каждою верстою замѣчалось постепенное развитіе весенней природы. Погода была очаровательная, и когда 13-го апрѣля Государь въѣхалъ въ Варшаву—весна была уже въ полномъ ея развитіи: всѣ сады благоухали, и великолѣпные каштаны Уяздовской аллеи красовались въ полномъ цвѣтѣ. На другой день по прибытіи Его Величества, Цесаревичъ началъ представлять своему Державному Брату войска, сначала по частямъ, а потомъ на общемъ парадѣ, послѣ котораго, спустя нѣсколько дней, сдѣланы были большіе маневры въ окрестностяхъ Варшавы. Императоръ и на этомъ разѣ вообще былъ очень доволенъ войсками, которыя по справедливости заслужили своимъ отличнымъ состояніемъ полное благоволеніе и награды Его Величества.

Между тѣмъ 1-го (13-го) мая начались въ Замкѣ засѣданія сейма. Императору ежедневно представлялся протоколъ преній, изъ котораго Онъ не рѣдко съ прискорбіемъ усматривалъ, что депутаты, вмѣсто сужденій о благоустройствѣ и общихъ интересахъ Царства, занимаются пустыми спорами, еще болѣе пустою игрой въ совершенно бессмысленную оппозицію, исполненную однихъ лишь общихъ красиво-пустозвонныхъ фразъ, да разными ме-

*

личными дрязгами и личными счетами между собою. Спусти двадцать дней по прибытіи въ Варшаву, Его Величество предпринялъ путешествіе для обозрѣнія нѣкоторыхъ восводствъ (губерній) Царства, и здѣсь-то имѣлъ Онъ случай воочию убѣдиться въ тѣхъ плодахъ матеріальнаго благосостоянія, какіе доставлены были Его попечительностью этой странѣ, еще столь недавно бѣдствовавшей и разоренной. Въ какія-нибудь десять лѣтъ по всѣмъ главнымъ направленіямъ были устроены прекрасныя шоссеиныя дороги; земледѣіе, скотоводство и садоводство доведены до возможнаго совершенства; промышленность повсюду видимо возрастала; разные заводы и фабрики, преимущественно суконныя, обращали на себя своимъ цвѣтущимъ состояніемъ особенное вниманіе Государя. Простой сельскій людъ вездѣ на пути благословлялъ и благодарилъ своего Царя; за то интеллигентные представители на шумомъ сеймѣ метали свои перуны.

По возвращеніи въ Варшаву, Государю Императору благоудно было самому лично закрыть засѣданія сейма, который уже оканчивалъ свои занятія. 1-го іюня, въ десятомъ часу утра начался съѣздъ высшихъ сановниковъ и депутатовъ въ Королевскій Замокъ. Войска варшавскаго отряда выстроены были на Зигмунтовой площади, фронтомъ ко дворцу. Прекрасный день придавалъ еще болѣе блеска этому торжественному государственному собранію. Около полудня Императоръ, въ полной генеральской польской формѣ, взомель на тронъ, поставленный въ сеймовой залѣ. Троиная рѣчь Его Величества, произнесенная на французскомъ языкѣ, произвела на слушателей глубокое впечатлѣніе. Одинъ изъ очевидцевъ ¹⁾ замѣчаетъ, что никогда еще не удостоивался онъ видѣть Императора Александра «въ такомъ поражающемъ, неземномъ величій», что во взорѣ его «изумительно выражались: могущество, проника-

¹⁾ Д. Е. Тарасовъ. «Р. Старина» 1872 г., кн. III, стр. 385.

тельность, кротость и благоволеніе». Эта рѣчь была послѣднимъ общественнымъ актомъ Императора Александра I-го въ Польшѣ. Въ этотъ день и нашъ русскій отрядъ въ послѣдній разъ имѣлъ счастье видѣть Его...

На другой день рано утромъ Его Величество выѣхалъ изъ Варшавы.

Не прошло и полугода, какъ Россія была поражена горестною вѣстію о кончинѣ Государя. Первое извѣстіе о семъ пришло въ Варшаву 25-го ноября вечеромъ. Въ это время у Цесаревича гостилъ Великій Князь Михаилъ Павловичъ. Движеніе въ городѣ и въ войскѣ сдѣлалось необычайное. Всѣ готовились къ присягѣ и ждали только приказаній. Къ Брюлевскому дворцу безпрестанно подѣзжали отовсюду гонцы, адъютанты, наконецъ и сами начальники, сановники церкви и гражданскихъ управленій; но пріема не было, и дежурный адъютантъ Его Высочества передавалъ всѣмъ одно и тоже, что «приказанія въ свое время будутъ объявлены, а пока все остается по прежнему» ¹⁾.

Здѣсь не мѣсто говорить о единственномъ въ исторіи примѣрѣ тѣхъ возвышенныхъ чувствъ, съ которыми два Августѣйшіе брата соревновали между собою не въ томъ кто первый овладѣетъ короною, но въ томъ кто изъ нихъ отвратитъ ее отъ себя для брата; и какую корону!....

Наконецъ, приказаніе было отдано—и войска русскаго отряда вмѣстѣ со всею Польшею, присягнули на вѣрноподанство Его Императорскому Величеству Государю Императору Николаю Павловичу.

Первымъ актомъ Высочайшей милости новаго Монарха къ Лейбъ-Гвардіи Уланскому Цесаревича полку было пожалованіе грамоты на серебряныя Георгіевскія трубы, полученныя полкомъ въ даръ отъ Императора Александра I-го еще въ

¹⁾ Воспоминанія Н. А. Козакова. «Р. Старина» 1870 г., кн. V, стр. 497.

1818 году. Грамата эта удостоена Высочайшей подписи въ 1826 году, въ приснопамятный день вступленія русскихъ войскъ въ Парижъ, 19 марта ¹⁾.

Первому командиру нашего полка, генераль-лейтенанту Альбрехту, не довелось представить свой полкъ на Высочайшій смотръ новому Государю. Послѣ десятилѣтняго образцоваго командованія уланами Цесаревича и вмѣстѣ съ тѣмъ 1-ою гвардейскою кавалерійскою бригадою, Александръ Ивановичъ скончался въ 1828 году, искренно оплаканный и Цесаревичемъ, и сослуживцами, и подчиненными. Высочайшимъ приказомъ отъ 14-го іюля того же года на мѣсто покойнаго назначенъ былъ генераль-маіоръ Иванъ Васильевичъ Марковъ, начавшій службу свою въ 1807 году съ корнетскаго чина въ Лейбъ-Уланскомъ Цесаревича полку и продолжавшій ее безъ перерыва, по переименованіи полка, въ Лейбъ-Гвардіи Уланскомъ и, наконецъ, въ Лейбъ-Гвардіи Уланскомъ Его Высочества.

Въ 1829 году Императоръ Николай I, Царь Польскій, вѣнчался на царство въ столицѣ Польши.

1-го мая пріѣхалъ въ Варшаву Великій Князь Михаилъ Павловичъ, а 4-го мая, послѣ обѣдни, Цесаревичъ вмѣстѣ съ Его Высочествомъ отправились въ Яблонну на встрѣчу Государя Императора, который со своею Августѣйшею Супругою и Государемъ Наслѣдникомъ, прибывъ для коронаванія изъ Петербурга, остановился на ночлегъ въ Яблоннѣ.

Великіе Князья возвратились въ Варшаву въ тотъ же вечеръ, а на другой день съ утра стали собираться войска и становились шпалерами вдоль улицъ, отъ самой Модлинской заставы.

1-й эшелонъ войскъ былъ поставленъ за полверсты отъ заставы, близь того мѣста, гдѣ были отведены и изящно украшены два домика для Государя и Императрицы. Въ 10¹/₂ часовъ утра всѣ уже стояли на назначенныхъ мѣстахъ. День былъ яс-

¹⁾ Текстъ этой граматы см. выше стр. 90, примѣчаніе 3.

ный и теплый. Великіе Князья въ половинѣ 10-го выступили изъ Замка верхами, а за ними вся свита поскакала чрезъ новый Вислянскій мостъ на Прагу и остановилась у двухъ домиковъ, гдѣ ожидали уже прибытія Великихъ Князей четыре польскіе министра и Н. Н. Новосильцевъ, сидѣвшіе въ золотыхъ каретахъ. Президентъ города съ депутатами, назначенными для поднесенія хлѣба и соли, стояли тутъ же, вмѣстѣ съ лицами свиты. Народу кругомъ, по улицамъ, въ окнахъ и на кровляхъ было видимо-невидимо. Въ 11 часовъ завидѣли на дорогѣ Государя Императора, подъѣзжавшаго въ открытой коляскѣ, вмѣстѣ съ Государемъ Наслѣдникомъ. Подъѣхавъ къ домику, Его Величество вмѣстѣ со Своимъ Августѣйшимъ Сыномъ тотчасъ же сѣли на лошадей. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ поднесъ Императору строевой рапортъ,—и всѣ двинулись вслѣдъ за Его Величествомъ вдоль по фронту трехъ кавалерійскихъ полковъ, стоявшихъ за заставой. То были подольскіе кирасиры, польскіе гвардейскіе конно-егеря и польскій же 1-й Конно-Егерскій Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника полкъ. Вслѣдъ за тѣмъ къ другому домику подъѣхалъ экипажъ Императрицы—и Ея Величество вышла изъ кареты. Государь же Императоръ, доѣхавъ до заставы, вернулся назадъ, и тутъ-то президентъ города встрѣтилъ Его съ хлѣбомъ и солью. Его Величество послалъ городскую депутацію къ Императрицѣ, которой и была поднесена хлѣбъ-соль, вмѣстѣ съ привѣтствіемъ президента, а Самъ, сойдя съ лошади у порога своей квартиры, отправился вмѣстѣ съ Государемъ Наслѣдникомъ и Великими Князьями къ завтраку, по окончаніи котораго сигнальная ракета возвѣстила начало торжественнаго въѣзда Царя Польскаго въ свою столицу.

Его Величество со свитой сѣлъ верхомъ, Императрица помѣстилась въ парадной каретѣ одна—и блистательный, великолѣпный кортежъ тронулся къ заставѣ. Кирасирскія трубы

первыми грянули «походъ», который, по мѣрѣ приближенія кортежа, былъ перенимаемъ другими полками, — и вотъ, при громѣ пушекъ и звукахъ гимна, при русскомъ «ура!» и польскихъ «виватахъ», при звонѣ колоколовъ со всѣхъ костельныхъ башенъ, медленно двигалась процессія по разукрашеннымъ, праздничнымъ улицамъ веселой Варшавы. Видъ былъ торжественный. Вниманіе войскъ и громадной массы зрителей изъ народа жадно устремлялось на Царя и на Его Отрока-Сына, ѣхавшаго почти о-бокъ со Своимъ Родителемъ, и затѣмъ перебѣгало безчисленными взорами на привѣтливое лицо Императрицы, дарившей величаво-ласковые поклоны изъ открытыхъ оконъ своей пышной кареты.

Наконецъ, въ половинѣ перваго часа кортежъ прибылъ къ Замку, и Царственные Особы, въ сопровожденіи громадной и блистательной свиты, войдя подъ сѣнь его древнихъ покоевъ, направились прежде всего въ церковь, гдѣ былъ отслуженъ молебенъ. На сей день церемонія этимъ и кончилась. Когда всѣ разъѣхались, Государь Императоръ отправился въ Брюлевскій дворецъ, сдѣлать визитъ Цесаревичу и его супругѣ, а затѣмъ всѣ лица Царственной Семьи собрались на семейный обѣдъ въ Королевскій Замокъ. Съ наступленіемъ тихаго, теплаго вечера весь городъ заблесталъ роскошною иллюминаціей; въ особенности хорошо былъ иллюминированъ общественный садъ Красинскаго. На Краковскомъ предмѣстіи и на Новомъ Свѣтѣ окна и балконы, убранные днемъ коврами и драпировками, блистали теперь огненными фестонами и гирляндами. Во многихъ мѣстахъ свѣтились транспаранты съ вензелями Н. и А., а предъ дворцомъ сверкалъ цитъ громадныхъ размѣровъ. Народъ толпился въ улицахъ и встрѣтилъ громовыми «виватами» Государя, когда Его Величество изволилъ проѣхать вечеромъ въ открытой коляскѣ въ Брюлевскій дворецъ къ Цесаревичу Константину.

На другой день былъ разводъ на Саксонской площади, гдѣ

отборный караулъ, составленный изъ самыхъ показныхъ молодцовъ и красавцевъ нашего полка, имѣлъ счастье впервые представляться Императору Николаю I-му. Погода, какъ нельзя болѣе, благопріятствовала церемоніи; множество любопытныхъ стеклось вокругъ площади смотрѣть на парадъ; всѣ балконы и окна были наполнены дамами. Императрица смотрѣла изъ оконъ квартиры генерала Куруты. Ровно въ 10 часовъ на площадь прибылъ Его Величество вмѣстѣ съ Государемъ Наслѣдникомъ и пошелъ по фронту. Послѣ развода было представленіе всей свиты Цесаревича и начальствующихъ лицъ, которыхъ Его Высочество самъ представлялъ Государю Императору, поименно. Въ Саксонскомъ саду, гдѣ тоже было множество народа, играла музыка, и Государь Наслѣдникъ ходилъ туда гулять.

Въ оба слѣдующіе дня, 7-го и 8-го мая, тоже происходили разводы и представленіе Императрицы во дворцѣ всей гвардіи и штабъ-офицеровъ арміи, при чемъ былъ «baise-main», а 9-го мая, въ 9^{1/2} часовъ утра русское и польское войско было выстроено для Высочайшаго смотра на, такъ называемомъ «плацъ-броніи» ¹⁾. Государь прибылъ на плацъ верхомъ, въ лентѣ Бѣлаго Орла, Императрица же въ парадной коляскѣ цугомъ съ верховыми жокеями, и рядомъ съ Его Величествомъ изволила проѣхать по фронту, вмѣстѣ съ камеръ-фрейлиной графиней Орловой. Войска стояли въ дивизионныхъ и баталіонныхъ колоннахъ въ четыре линіи. Приближаясь къ 1-му Конно-Егерскому полку, Его Величество приказалъ Государю Наслѣднику, какъ шефу этого полка, стать предъ онымъ и потомъ парадировать во главѣ его фронта. Появленіе одиннадцатилѣтняго Царственнаго Отрока на флангѣ шефскаго эскадрона привело въ энтузіазмъ солдатъ сего полка. Послѣ Высочайшаго объѣзда

¹⁾ Мокотовское поле.

начался церемониальный маршъ, причемъ Цесаревичъ Константинъ самъ велъ парадъ. Пѣхота проходила по-взводно, кавалерія по-эскадронно, и потомъ всѣ вообще войска густыми колоннами. Государь Наслѣдникъ представлялъ свой полкъ Его Величеству. Парадъ окончился въ полдень, и Государь Императоръ остался имъ чрезвычайно доволенъ, благодарилъ Цесаревича и всѣхъ начальниковъ отдѣльныхъ частей, а нижнимъ чинамъ, кромѣ щедрой мясной и винной порціи, пожаловалъ еще по рублю на челобѣка.

Въ первомъ часу того же дня, передъ Брюлевскимъ дворцомъ, собрались герольды съ ассистентами и конвоемъ польско-гвардейскаго Конно-Егерскаго полка. Въ сопровожденіи генерала Викентія Красинскаго, поѣхали они до Замковой площади Зигмунта, гдѣ остановились предъ дворцомъ и читали манифестъ о коронаціи, разбрасывая печатные экземпляры его толпамъ народа. Отсюда, раздѣлившись на два отряда, поѣхали они по всѣмъ улицамъ Варшавы и на всѣхъ площадяхъ читали тоже объявленіе. 12-го мая, еще съ восьми часовъ утра, русскія и польскія войска стали занимать назначенныя имъ мѣста на Замковой площади и въ ближайшихъ улицахъ; артиллерія расположилась по берегу Вислы. Кавалерійскіе солдаты были разставлены шпалерами отъ самаго дворца, изъ Сенатской комнаты, до дверей Свенто-Янскаго кафедральнаго собора. Промежь ихъ рядовъ простирался деревянный помостъ, устланный сукномъ малиноваго цвѣта. Къ половинѣ 10-го часа начался съѣздъ во дворецъ. Вся дворцовая площадь и пристроенная галлерей уже кишѣли народомъ, — стеченіе публики было громадное. День стоялъ превосходный, но жаркій; знамена и флаги не колыхались. Въ 11 часовъ изъ дворца тронулась процессія съ государственными регаліями и короною къ кафедральному костелу, а въ первомъ часу, по освященіи всѣхъ этихъ вещей послѣ литургіи, возвратилась съ ними въ комнаты Государя. Черезъ полчаса регалии вынесены были въ тронную залу и заняли мѣсто про-

тивъ трона. Тогда Императоръ изволилъ выдти вмѣстѣ съ Августѣйшею Супругой и сталъ на свое мѣсто. Примасъ прочелъ молитву и провозгласилъ Его Величество Королемъ Польскимъ. При семъ послѣднемъ словѣ надъ Вислою грянули пушки. Затѣмъ первые сановники облекли Государя въ порфиру, поднесенную примасомъ, вмѣстѣ съ короной, скипетромъ и державой. Все это было поднесимо Его Величеству высшимъ сановникомъ польской церкви въ постепенномъ порядкѣ и съ приличествующими молитвами. Царскую корону Государь самолично возложилъ на свою голову. Затѣмъ двое Великихъ Князей—Константинъ и Михаилъ Павловичи—подвели къ Нему Императрицу, которая преклонила колѣна, и Онъ надѣлъ на свою Августѣйшую Супругу орденскую цѣпь Бѣлаго Орла и корону, послѣ чего Ея Величество стала съ нимъ рядомъ у трона. Государь преклонилъ колѣно и произнесъ молитву на французскомъ языкѣ, по окончаніи которой опустилась на колѣни Императрица, вмѣстѣ со всѣми присутствовавшими, и сталъ читать молитву примасъ. За симъ началось шествіе. Шестнадцать полковниковъ несли балдахинъ надъ Императрицею, шестнадцать генераловъ, держась за пышныя кисти, шли при немъ ассистентами. Государь, въ коронѣ и порфирѣ, со скипетромъ и державою въ рукахъ, вышелъ изъ воротъ замка и сталъ впереди; за Нимъ шли Великіе Князья Константинъ и Михаилъ, потомъ подъ балдахинномъ Императрица, при которой ассистентами были графъ Соболевскій и графъ Красинскій; потомъ шелъ Государь Наслѣдникъ съ супругою Цесаревича Константина, а за ними уже весь дворъ и свита. Грянули пушки, колокола, музыка, «ура» и «виваты», знамена преклонились предъ шествовавшимъ Монархомъ. Блестящія дамы аристократическаго круга наполняли галерею, нарочно-устроенную при дворцѣ, откуда видъ былъ безподобный.—Все это въ совокупности являло одно изъ рѣдкихъ и торжественнѣйшихъ зрѣлищъ. По выслушаніи благодарствен-

наго молебна въ кафедральномъ костелѣ, Высочайшая процессія тѣмъ же порядкомъ возвратилась въ замокъ, и къ двумъ часамъ дня торжество коронаціи было кончено.

Начался длинный рядъ праздниковъ, торжествъ, баловъ и банкетовъ. Множество лицъ обоихъ половъ получили почетныя званія и награды чинами и орденами. Царь Польскій щедрою рукою разсыпалъ вокругъ себя милости и благоволеніе своимъ подданнымъ.

16-го мая, послѣ развода, вся свита собралась у костела св. Александра и верхами ожидала приѣзда Государя, который прибылъ въ половинѣ перваго часа. Въ этотъ день былъ народный праздникъ на площади. Противъ Уздовскаго госпиталя были накрыты столы на 10,000 человѣкъ и приготовлены разныя увеселенія и представленія, кругомъ устроены эстрады для зрителей, а въ серединѣ роскошный шатеръ для Царской Фамиліи, свиты и иностранныхъ особъ. Около часу прибылъ сюда Государь и поѣхалъ верхомъ за коляскою Императрицы, сопровождаемый длинною вереницей блистательной свиты. Обѣхавъ по каштановымъ аллеямъ мѣсто народнаго пира, Царская Фамилія вошла въ шатеръ, и тогда по 3-й ракетѣ началось угощеніе. Народу со зрителями собралось до 50,000; видъ былъ безподобный и вначалѣ погода весьма благоприятствовала празднеству. Его Величество, подъ конецъ пиршества, проѣхалъ верхомъ между всѣми столами, при громкихъ кликахъ народа, и воротился верхомъ же въ замокъ въ проливной дождь.

18-го мая, утромъ, Государь Императоръ дѣлалъ на Моковскомъ полѣ смотръ и ученіе гвардейской кавалерійской дивизіи и остался весьма доволенъ войсками. Всѣмъ офицерамъ нашего полка отдано было въ приказѣ Высочайшее благоволеніе, а вечеромъ этого дня они въ особенности были польщены тѣмъ, что на балѣ у графа Замойскаго Его Величество вмѣстѣ съ Цесаревичемъ Константиномъ изволили присутствовать въ муштрахъ нашего полка, и оставались до двухъ часовъ ночи,

даря, въ теченіи этого бала, многихъ изъ нашихъ уланъ милостивымъ своимъ вниманіемъ.

Цесаревичъ Константинъ въ обыкновенные дни всегда носилъ сюртукъ и виць-мундиръ Подольскаго кираспрскаго полка, на балахъ же появлялся не иначе какъ въ нашей уланской формѣ. Въ тѣ времена, всѣ военные, за исключеніемъ однихъ уланъ, обязаны были являться на балы не иначе какъ въ шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ; Цесаревичъ же не любилъ ни чулокъ, ни башмаковъ, и отсюда—его предпочтеніе для баловъ нашей уланской формѣ ¹⁾).

На слѣдующій день, 19-го мая, пріѣхалъ въ Варшаву Вильгельмъ, Принцъ Прусскій, нынѣ Его Величество Императоръ Германскій, и присутствовалъ у развода вмѣстѣ съ Государемъ, а вечеромъ со всею Царскою Фамиліей въ театрѣ, гдѣ давали новую польскую оперу, нарочно сочиненную по случаю торжествъ коронаціи. 21-го мая Императрица вмѣстѣ съ Принцемъ Вильгельмомъ изволила выѣхать въ Берлинъ, а 23-го въ полдень оставилъ Варшаву и Государь Императоръ, отправившись за Калишъ для свиданія съ Королемъ Прусскимъ. Блистательный концертъ знаменитаго Паганини закончилъ длинный рядъ варшавскихъ торжествъ и праздниковъ ²⁾).

Въ слѣдующемъ 1830 году Государь Императоръ вновь посѣтилъ Варшаву, въ виду открытія сейма. Пребываніе Его Величества въ столицѣ Польши въ этомъ году продолжалось двѣнадцать дней, съ 7-го по 19-е іюня. 8-го іюня, по обыкновению, праздновали день учрежденія Царства Польскаго, и вмѣстѣ съ симъ открытіе сейма. Начавшись съ этого дня, военные торжества слѣдовали одно за другимъ. Войска были собраны въ лагерь. 9-го іюня на Мокотовскомъ полѣ Государь смотрѣлъ

¹⁾ Воспоминанія и рассказы М. К. Максимовича.

²⁾ Рассказъ о торжествахъ коронаціи 1829 года составленъ на основаніи полковыхъ приказовъ, рассказовъ М. К. Максимовича и дневника П. Колзакова. «Р. Старина» 1873 г. кн. IV, стр. 418—453).

ученіе полковъ польской уланской дивизіи, а 10-го польской же конно-егерской. 14-го іюня, раннимъ утромъ училась въ присутствіи Его Величества гвардейская кавалерійская дивизія со своею артиллерією, а 19-го іюня всѣмъ войскамъ, расположеннымъ въ городѣ и его окрестностяхъ, сдѣланъ былъ общій двухсторонній маневръ, послѣ котораго Государь Императоръ оставилъ Варшаву, закрывъ наканунѣ засѣданія сейма. Награды Его Величества, по обыкновенію, были весьма щедры: за каждый разводъ, за каждый парадъ, смотръ и ученіе, произведенные въ Его присутствіи, Онъ жаловалъ людямъ по рублю денегъ, по фунту мяса и винную порцію; офицерамъ же, всѣмъ безъ исключенія, выражалъ Свое Монаршее благоволеніе и благодарность. При этомъ и Великій Князь Константинъ Павловичъ, въ одномъ изъ своихъ приказовъ, заявивъ, что войска «въ полной мѣрѣ удовлетворили его ожиданіямъ», выражалъ увѣренность, что «Всемилоствѣншія Его Императорскаго Величества благоволенія, объявленные войскамъ неоднократно, послужатъ для нихъ вѣщимъ поощреніемъ къ усугубленію ихъ стараній и усердія, дабы и впредь, въ лучшемъ еще устройствѣ и блистательнѣйшемъ видѣ, могли они представляться предъ лице Августѣйшаго Государя и удостоиться счастья заслужить Высокомонаршее благоволеніе» ¹⁾).

Въ этотъ же пріѣздъ въ Варшаву Его Величество изволилъ пожаловать полку, для ежедневнаго употребленія, пятнадцать серебряныхъ трубъ съ надписью: «Лейбъ-Гвардіи Уланскаго Его Императорскаго Высочества полка» ²⁾).

Прослѣдивъ представленный здѣсь очеркъ военнаго быта и

¹⁾ Приказъ по полку отъ 26-го іюня 1830 г. § 2.

²⁾ Документовъ на эти трубы не сохранилось; но изъ дѣлъ видно, что онѣ были изготовлены на основаніи Высочайшаго повелѣнія, объявленнаго въ отношеніи Управляющаго Военнымъ Министерствомъ къ Начальнику Штаба Его Императорскаго Высочества Цесаревича, отъ 24-го іюня 1830 г. за № 7802. (См. «Хронол. табл. гвард. кавалеріи» изд. 1866 г., стр. 42—43).

жизни въ Варшавѣ съ 1814 по 1830 годъ, читатель можетъ видѣть, что эта жизнь, при всѣхъ своихъ удобствахъ и служебныхъ выгодахъ, являлась почти непрерывнымъ рядомъ военныхъ и общественныхъ торжествъ и праздниковъ. Служба, конечно, всегда стояла на первомъ планѣ, да и какъ было не служить, какъ было не заниматься своимъ дѣломъ, если Цесаревичъ не уставалъ ободрять и поощрять всѣхъ, безъ исключенія, своихъ подчиненныхъ къ прямому и дѣятельному исполненію ихъ долга, всегда цѣня и отличая усердіе и честное отношеніе къ дѣлу. Но были и свои слабыя стороны, о которыхъ вотъ что говоритъ одинъ изъ современниковъ: «шелъ годъ за годомъ въ безпрерывныхъ веселіяхъ и удовольствіяхъ. Кажется, *по видимоу*, что два единоплеменные народы, прежде такъ долго враждовавшіе между собою, должны были, наконецъ, снѣться въ неразрывныхъ узахъ братства и любви. Русскіе всѣ заговорили по-польски; вся наша военная молодежь обзавелась «коханками» и помышляла только о любовныхъ интригахъ, о танцахъ и другихъ увеселеніяхъ; а красивыми паннами такъ щедро надѣлена Варшава. Какъ войско Аннибала, очарованное въ стѣнахъ Капуи, съ безпечностію предавалось всѣмъ прелестямъ веселой жизни, такъ и русское воинство въ Варшавѣ, прельщенное и ослѣпленное, утопало въ наслажденіяхъ чувственныхъ, не заботясь о будущемъ и не думая вовсе что могутъ настать когда нибудь и худшія времена» ¹⁾).

И эти времена наконецъ настали.

¹⁾ Воспоминанія Колзакова «Р. Старица». 1873 г., кн. IV, стр. 443.